

To start with, эта книга — результат отсутствия у меня твёрдых принципов. Тексты, из которых она состоит, сознательно писались почти каждый день для *Facebook*. Я швырял туда (кроме прочего, потому что живу одиноко, а поговорить хочется) то, что у меня выкатывалось из головы. Швыряя, знал, что это навсегда, и совсем не жалел о том, что мои мысли, впечатления и воспоминания утопают в дивной вселенской трясине. Над ней зависают, трепеща лазурно-чёрными крылышками, стрекозы с радужными фасеточными глазами, жужжат комары и оводы; благоухает разогретый на солнце борщевик, и скользят по затянутой ряской мутной воде жуки-бегунцы. Нет, если быть честным, надежда, что какой-то смысл в моих действиях есть, у меня была. Например, мои мысли, погрузившись в ил, постепенно станут торфом, потом углём, нефтью и газом и даже алмазами. Но это когда будет? Только когда на планете снова заведутся динозавры и вымрут, и на их костях кто-то, как чистый бриллиант, будет Шуберта наворачивать. Так что назовём такие мысли бессмыслицей.

Но издатель Надежда Гугова, пробив мой хитиновый панцирь и уколов беззащитную ментальную плоть, принялась объяснять, что напечатать заброшенное в цифровое болото на бумаге просто необходимо. Необходимо кому? Понятия не имею. И убедила меня. Повторяю, это результат отсутствия твёрдых принципов. Но и того, что

я — человек книги. Как увижу книгу, начинаю её читать, потому что для меня чтение книги, её вещественный вес и шелест её страниц — это удовольствие почти сексуальное. Возвращаюсь к отсутствию у меня твёрдых принципов: можно было бы и не грешить любовью к книгам, но уже поздно, и потому приношу Наде Гутовой глубочайшую признательность за тяжёлый труд по приведению моих графоманских попыток поговорить с кем-то в более или менее читаемый вид, а также, разумеется, за вдумчивый отбор иллюстраций. Я ведь ни в коем случае не писатель; надеюсь, я — художник. В конечном счёте картинка мне важнее, чем слово.

И, конечно, Надя Гутова приняла необходимое и мудрое решение: она мой болотный спорт ограничила жёсткими рамками. В этой книге только те гантели и перья, которые я в ФБ бросал в 2017 году.

А теперь о том, почему эта книга называется так, а не иначе, и при чём тут «Дерево-Метла». Дело в том, что я с ранней юности запал, что называется, на японскую культуру. Вообще-то, за полвека мог бы и выучить японский язык, но не сделал это (снова доказательство того, что твёрдых принципов у меня нет). Но всё это время читал на доступных мне языках (русском, английском, украинском, французском, польском, итальянском) любое, что мне попадалось под руку насчёт Японии, и разглядывал картинки. И когда-то давным-давно меня очаровал устойчивый троп классической японской литературы, «дерево-метла» (на японском — «хахакиги», на латыни — *Chamaecyparis obtusa*, разновидность кипариса, обычная для острова Хонсю). Это — образ недосягаемого. Ты видишь хахакиги, идёшь к нему, оно всё ближе, но вдруг оно снова далеко-далеко. Снова идёшь

в его сторону, уже почти прикасаешься к его шершавой коре, но нет. Оно вдали.

Гениальная Мурасаки Сикибу в «Повести о Гэндзи» об этом написала так:

Он замолчал на минуту, вздохнул и прошептал: «Хахакиги далеко-далеко раскинуло ветви на молчаливой горе, ловит облака. Подойди к нему, и дерево-метла исчезло, оно — туман. Не дано нам уловить вкус его тени».

Она в полусне ответила: «И я, как дерево-метла, одна стою в долине Сонохара, подумать мне о Вас нельзя.

Что я могу сказать Вам? Прощайте».

Дерево-метла, кроме «Гэндзи моногатари», упоминается и в других шедеврах японской литературы, например, в высочайших образцах жанра дзуйхицу («вслед за кистью»), «Записках у изголовья» Сэй-Сёнагон и «Записках от скуки» Кэнко-Хоси. Думая о дзуйхицу, я додумался до того, что его сущность очень близка к тому, что Константин Батюшков называл *poesie fugitive*, «беглая поэзия». А здесь один шаг до того, чтобы предположить: то, что я швырял в фейсбучное болото, это дзуйхицу и беглая поэзия. Но это ложный шаг, не приближающий меня к хахакиги. Ведь Кэнко-Хоси, удалившись от двора, поселившись в лачуге в горах над долиной Сонохара и начав от скуки и одиночества писать свои записки, ни в коем случае не собирался их каким-то образом публиковать. Исписанные листочки он запихивал в щели своего жилища, чтобы не дуло, и только после его смерти друзья извлекли их и превратили найденное в один из величайших шедевров мировой литературы. Я же, страдая от одиночества и скуки, свои убогие соображения не в щели пихал, а бросал

в ФБ. Иное время и отсутствие у меня твёрдых принципов позволяют явно преждевременную публикацию этих соображений.

Но тем не менее снова о хахакиги. Этот образ меня не оставляет давным-давно. В 1993-м в культурном центре *La Base* в Париже я сделал выставку «Дворец Дерева-Метлы» — что-то в духе «фиктивной археологии», про опального русского вельможу — «русского Хэйан», то есть XXVIII века, Степана Волка. Потом в 2004-м, блаженствуя на стипендии Фонда Иосифа Бродского в Американской академии в Риме, нарисовал большую графическую серию «Привидение собаки Рокки во дворце Дерева-Метлы». Она была посвящена памяти совершенно ангельской дворняжки Рокки, прожившей короткую, но радостную жизнь в деревеньке

По дороге к Дереву-Метле

Никита Алексеев в «Императорской беседке»

Девелики, недалеко от горы Афон в Халкидики. Рокки порвали в клочья не то волки, не то одичавшие собаки, я никогда его не забуду. И конечно, всё про то же — мои работы «Ближе — дальше — ближе» и «Ночь на берегу», показанные в 2017-м в Омати на *Japan Alps Art Festival* и в университете Тиба.

И случилось чудо. Я к хахакиги чуть-чуть приблизился благодаря профессору Вакане Коно, это она осуществила мою мечту: я побывал в Японии (уже дважды), мало что понял (будь у меня твёрдые принципы и знание японского понял бы больше), но всё же убедился в том, что недаром искал Дерево-Метлу. А самое главное, что произошло в Японии, это когда мы с Ваканой и Сосэем Сато, помощником куратора фестиваля в Омати, долго

Щепка Древа-Метлы,
подаренная Никите Алексееву
Ваканой Коно.
Декабрь 2016

ехали куда-то по шоссе, я и не догадывался куда, потом долго петляли по узким дорогам в долине Сонохара, приехали в какую-то деревню, где русских точно никогда не видали. Сосэй и Вакана вышли из машины, о чём-то расспросили местных, и дальше мы поехали вверх по крутому просёлку: из-под колёс летели камни и грязь. Доехали куда-то, Сосэй сказал, что дальше на машине невозможно, и показал на крутой склон с оползнем: «Там, наверху, и есть Древо-Метла». Мне ясно было, что туда мне не вскарабкаться, и я пошел вниз, в деревеньку, прилепившуюся к ущелью, а Вакана и Сосэй полезли вверх. Я обнаружил рядом с деревней беседку, повисшую над обрывом, и напротив неё со скал белой пеной бежал водопад. Как мне потом объяснили, в этой беседке император на своём пути мимо хахакиги из Киото в Эдо и обратно любовался водопадом; любовался и я. Минут через сорок вернулись Вакана и Сосэй, рассказали, что древо-метла лет сто назад сгорело от удара молнии, и вручили мне щепку от его пня. В мощи я не верю, но эта реликвия — самая чудотворная в моей жизни.

Эту щепку я в болото не брошу, да и не утонет она там. А я в одиночестве и часто от скуки какое-то время ещё проживу в местности, которая называлась когда-то Соломенная сторожка, рядом с метро «Тимирязевская». И от одиночества и скуки решил я поменять имя. С 2018-го, то есть с собачьего года 30-й эры Хейсэй, прошу меня называть Варанбагоя индзя, то есть отшельник из Соломенной сторожки.

藁番小屋隠者